

Су Ман-эр поковыряла в ухе и разозлилась на слова Гу Чунь Мэй.

Она холодно посмотрела на Гу Чунь Мэй и усмехнулась: “Тогда иди к моей матери. Так как моя мать щедра, иди к моей матери! Но если бы моя мать знала, что вчера ты помогала другим очернять меня и хотела испортить мою репутацию, я не знаю, признает ли моя мать тебя своей сестрой!”

Гу Чунь Мэй: “...” Ее дыхание участилось, и она вдруг испуганно подняла голову.

Если бы Старшая Сестра узнала о вчерашнем происшествии, возможно, Старшая Сестра действительно разозлилась бы и не захотела ее узнавать.

Без помощи и поддержки Старшей сестры жизнь ее семьи, безусловно, стала бы хуже.

Поэтому она не могла позволить Старшей Сестре узнать о том, что произошло вчера. Даже если бы она знала об этом, она не могла позволить ей думать, что она наносит ущерб репутации ее дочери.

С быстрым ответом Гу Чунь Мэй подняла подбородок и резко крикнула: “Кто хочет повредить твоей репутации? Не обвиняй меня неправильно! Вчера меня обмануло Сяо Я Дань. Я действительно думала, что ты была тем человеком в хижине с соломенной крышей, поэтому я была...”

“Если ты не видела, кто был в хижине с соломенной крышей, основываясь на словах ребенка, Сяо Я Дань, ты решила, что моя жена изменяет, и помогла им ругать Ман-эр и выливать грязную воду на Ман-эр. Ты все еще хочешь сказать, что не хотела повредить репутации моей жены?! Неужели ты думаешь, что все глупы и поверят твоей лжи?!”

Чи Юнь Чен прервал ее и очень невежливо разоблачил ее ложь.

“Если бы ты действительно считала Ман-эр своей племянницей, ты бы не сделала этого вчера! Ты бы сделала все возможное, чтобы защитить Ман-эр, и ты бы не позволила Ман-эр пострадать!” Лицо Чи Юнь Ченя было холодным и серьезным.

Эти слова угнетали Гу Чунь Мэй до такой степени, что ее лицо покраснело. Она открыла рот и хотела возразить. Но ее разум был в растерянности, и она не могла найти ни одного слова, чтобы опровергнуть это.

Цяо Чжэнго впился в нее взглядом, эта вонючая женщина, она знала только, как создавать проблемы снаружи! Если бы она вчера не помогла Ху Юцзяо подставить Су Ман-эр, Су Ман-эр не была бы так груба с ними сегодня.

Его глаза сверкнули. Глаза Цяо Чжэнго метнули недовольство на Гу Чунь Мэй. Затем он посмотрел на Су Ман-эр и сказал: “Во вчерашнем инциденте была во всем виновата твоя маленькая тетушка. Я приношу тебе свои извинения от имени твоей маленькой тетушки. Су Ман-эр, как взрослая, ты обладаешь великодушием. Не сердись”.

Цяо Синьсинь печально вытерла слезы и поспешно сказала: “Я также приношу извинения кухне от имени моей матери. Кухина, я знаю, что ты на самом деле великодушный человек. Я знаю, что в глубине души ты на самом деле не хочешь с нами спорить. Кухина, ты будешь...”

“Неправильно, я хочу с тобой поспорить. Цяо Синьсинь, не думай, что я не знаю, что произошло вчера. Вчера ты помогла Ху Юцзяо. Вчера Чжао Дашунь рассказал мне все о том,

как он пошел в соломенную хижину и как я была без сознания, и рассказал мне все. Я только вчера узнала, что у моей доброй кузины на самом деле были такие порочные намерения в ее сердце!”

У Су Ман-эр не было времени слушать глупости Цяо Синьсинь. Глупости Цяо Синьсинь можно было бы оставить для того, чтобы уговаривать призраков!

Напуганная словами Су Ман-эр, зрачки Цяо Синьсинь сузились.

Су Ман-эр знала? Значит, она действительно знала?

Но Гу Чунь Мэй и Цяо Чжэнго также были удивлены. Что происходит? Была ли Синьсинь также замешана во вчерашнем инциденте с соломенной хижинкой?

Ци Юнь Чен взглянул на Цяо Синьсинь, повернулся к Су Ман-эр и спросил: “Что ты имела в виду под этим? Вы имеете в виду, что Цяо Синьсинь также принимала участие во вчерашнем инциденте?”

Су Ман-эр кивнула.

Уголки ее рта изогнулись в небрежной улыбке, а голос был безжалостен: Все верно. Цяо Синьсинь и Ху Юцзяо спланировали вчерашний инцидент. Ху Юцзяо отвратительна, а Цяо Синьсинь такая же злобная!”

Лицо Чи Юнь Ченя вытянулось. Он повернул голову и очень холодно посмотрел на Цяо Синьсинь.

Когда Чи Юнь Чен так посмотрела на нее, дыхание Цяо Синьсинь на какое-то время стало прерывистым, и она внезапно почувствовала некоторую панику в своем сердце.

Она не хотела, чтобы Чи Юнь Чен думал, что она такой порочный человек. Она просто хотела, чтобы Чи Юнь Чен думал, что она наивная и добрая девочка.

Она стиснула зубы и быстро объяснила: “Как ты можешь так сильно обижать меня, кузина? Я не...”

“Что, ты хочешь сказать, что ты вообще ни при чем? Ха-ха, ты хочешь, чтобы мы сейчас пошли противостоять Ху Юцзяо? Ху Юцзяо находится прямо по соседству”, - усмехнулась Су Ман-эр, и в каждом ее слове слышалась насмешка.

Зрачки Цяо Синьсинь снова сузились. Она подняла глаза и не смогла удержаться, чтобы не посмотреть на соседний дом.

Видя реакцию Цяо Синьсинь, что еще люди не понимали?

Было очевидно, что Цяо Синьсинь была замешана во вчерашнем инциденте. Цяо Синьсинь также хотела нанести ущерб репутации Су Ман-эр.

“Цяо Синьсинь, на моем месте, могла бы ты одолжить мне это свадебное платье? Если бы это была ты, ты бы не смогла, верно?” Су Ман-эр прищурилась и усмехнулась.

Цяо Синьсинь сжала кулаки и крепко прикусила губы. Она не знала, что ответить.

Но, Чи Юнь Чен сказал глубоким голосом: “Катись! Вчера ты подставила мою жену. Сегодня

ты пришла позаимствовать ее свадебное платье! Ты действительно думаешь, что ее легко запугать?!”

Голос Чи Юнь Ченя был холоден, как будто в нем была смешана ледяная муть. Он запугал Цяо Синьсинь, Гу Чунь Мэй и Цяо Чжэнго.

Цяо Чжэнго в ужасе посмотрел на Чи Юнь Ченя.

Как у Чи Юнь Ченя могла быть такая аура? Такая аура совсем не походила на то, что должно быть у деревенского человека.

И Цяо Синьсинь посмотрела на Чи Юнь Ченя, на нескрываемое отвращение в его глазах, которое, очевидно, было направлено на нее.

Ее сердце сильно дернулось, и она действительно почувствовала сердечную боль.

Она подняла руку и прикрыла рот. Слезы выступили у нее на глазах. Она печально повернулась и убежала со двора.

Мужчина, который ей нравился...ненавидел ее.

Это чувство было таким же горьким, как употребление китайской золотой нити.

Китайская золотая нить:

Увидев, что ее дочь убегает, Гу Чунь Мэй стиснула зубы, крикнула: “Синьсинь” - и поспешно побежала.

И Цяо Чжэнго почувствовал, что сегодня потерял лицо.

Он направился к двери с мрачным лицом и ничего не сказал.

Увидев, что все раздражающие люди ушли, губы Су Ман-эр приподнялись, и на ее лице появилась слабая улыбка.

Это было принятие желаемого за действительное, чтобы попытаться получить что-то из ее рук!

.....

Гу Чунь Мэй некоторое время бежала за дочерью, потом вдруг притянула ее к себе и успокоила: “Синьсинь, почему ты плачешь? Просто потому, что твоя кузина знала, что произошло вчера, ты плакала. Дитя, почему ты такая хрупкая. Если она знает, значит, знает. Нам не нужно ее бояться”.

Слова Гу Чунь Мэй показали, что она полностью на стороне своей дочери. Даже если бы ее дочь убила Су Ман-эр, она бы хлопала в ладоши и радовалась!

Цяо Синьсинь не осмеливалась сказать матери, что ей нравится Чи Юнь Чен.

Когда она увидела, что ее мать говорит это, она подошла и сказала: “Что, если тетя узнает? Если бы тетя узнала, она бы не одалживала деньги нашей семье.”

Они сказали, что это было заимствование денег, но на самом деле это было требование денег. Потому что каждый раз, когда они занимали деньги у тети, они никогда их не возвращали.

Лицо Гу Чунь Мэй вытянулось: “Я просто придумаю способ. Я не позволю твоей тете винить тебя. Ты можешь быть уверены”.

Она похлопала дочь по плечу и сказала: “Я помогу тебе надеть свадебное платье. Позже я поеду в город, чтобы найти твою тетю и попросить твою тетю выйти и попросить Су Ман-эр передать ее свадебное платье. Пока твоя тетя говорит, Су Ман-эр не посмеет не отдать его.”

Это свадебное платье они планировали надеть на Синьсинь в день ее свадьбы. Надев его, они продавали бы его в уезде.

Они слышали, что свадебное платье было сшито на заказ по высокой цене. Если бы они взяли его, чтобы продать, они могли бы продать его по хорошей цене.

На деньги, вырученные от продажи, они могли бы использовать его для покупки гардероба. В прошлый раз, когда она ездила в уездный город, ей приглянулся очень красивый гардероб, но в то время не было денег, чтобы его купить.

“Мама, у меня еще есть приданое. Я хочу лучшего приданого. Семья моего мужа будет ценить меня только в том случае, если у меня будет хорошее приданое”, - Цяо Синьсинь закусил губы и с огорчением посмотрела на мать.

“Увы, почему ты беспокоишься о своем приданом? Когда я навещу твою тетю, я попрошу твою тетю помочь мне все устроить. Ты ее племянница. Ты выходишь замуж, она должна помочь тебе с приданым”, - успокаивала дочь Гу Чунь Мэй, думая о том, о чем ей следует попросить Старшую сестру, когда она позже поедет в город.

Похоже, ей придется составить список, чтобы не забыть, когда она поедет в город.

.....

После того, как Гу Чунь Мэй и другие ушли, Ци Юнь Чен обратил свой взгляд на Су Ман-эр и внезапно сказал сдержанным голосом: “Семья твоей маленькой тетушки не добросердечная. Постарайся держаться от них подальше в будущем.”

В будущем он не мог рассчитывать на то, что пробудет в деревне долго. Без него он боялся, что эти люди будут строить козни против нее!

Су Ман-эр взглянула на него: “Эн, не волнуйся, я знаю”.

Она не планировала много общаться с семьей Гу Чунь Мэй. Было бы прекрасно, если бы у нее не было такого родственника, как Гу Чунь Мэй.

Невестка Хун Яшань взглянула на Су Ман-эр и сказала с улыбкой: “Ман-эр, ты такая могущественная. На твоём месте я бы отдала свадебное платье прямо сейчас.”

Она не могла иметь дело с Гу Чунь Мэй. Она была так глупа, что понятия не имела, как от них избавиться.

“Если бы я отдала свое свадебное платье, я бы не смогла его вернуть. Поэтому я не могу дать

им это”, - Су Ман-эр взглянула на Хун Яшань и поспешно сказала.

С восхищенной улыбкой Хун Яшань сказала Су Ман-эр такие слова, как “Ты такая могущественная”.

Су Ман-эр поджала губы. На самом деле она была не очень могущественной. Перед лицом таких бесстыдных людей, как Гу Чунь Мэй, ты просто должен был быть более безжалостным, чем она.

“Скажи, ты наносила что-нибудь на свое тело? Как это может так хорошо пахнуть?” Хун Яшань внезапно подошла к Су Ман-эр и осторожно принялась.

Приблизившись к Су Ман-эр, аромат стал сильнее.

Он был настолько богат, что люди чувствовали себя комфортно и расслабленно.

Глаза Су Ман-эр непроизвольно потемнели, и ее сердцебиение неудержимо замедлилось.

Хотя она знала, что они спросят об аромате ее тела, она все еще была в бешенстве, когда слышала их вопрос.

Глаза Чи Юнь Ченя пристально посмотрели на нее, когда он слегка нахмурился и тихо сказал: “Ты действительно ароматна, я тоже хотел спросить прошлой ночью”.

Су Ман-эр вспомнила, что прошлой ночью он спросил ее, применяла ли она что-нибудь. Но в то время она не знала, что на ее теле есть аромат. Она подумала, что он спрашивает, применяла ли она какое-нибудь лекарство.

Она тайком сжала кулаки и быстро улыбнулась: “О, я распылила духи. Это популярный предмет, который мой Второй дядя поручил кому-то привезти из портового города. Он очень ароматный. Я такая же, как Сянфэй*, после того, как опрыскаюсь им?”

Говоря это, она неестественно закружилась по кругу, как будто вообразила, что она Сянфэй, привлекающая бабочек.

Хотя он не слышал слова “Сянфэй”, по внешнему виду Су Ман-эр он мог сказать, что она, должно быть, говорит, что она очень ароматная.

Чи Юнь Чен на секунду замолчал: “Эн, это очень ароматно. Только какой маркой духов вы пользуетесь? Я знаю, что в портовом городе есть какие-то особые, популярные товары, но ваши духи действительно особенные. Поэтому я хочу знать, какая марка может производить такие хорошие духи”.

*Ипархан, она же Сянфэй (Благоухающая наложница) - легендарная уйгурская наложница китайского императора Цяньлуна благородного происхождения.

Предания о Сянфэй, сохранившиеся в Китае и Синьцзяне, сильно разнятся. Как правило, речь идёт о том, что стареющий (да-да, в то время 50 лет не то что нынче) Цяньлун был пленён её природной красотой, но ещё в большей степени исходившим от её тела запахом, отсюда и название - Благоухающая, Ароматная.